

Татьяна Ластовка

Тунеядство в СССР (1961–1991): юридическая теория и социальная практика¹

«Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы. Кто хочет поработать?» — фраза из кинофильма Леонида Гайдая «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика» (1965), ставшая на долгие десятилетия крылатой и почти фольклорной, в глазах первых зрителей фильма имела свою предысторию. В речевом обиходе советских граждан начала 1960-х гг. слова «тунеядец», «бездельник» и прочие бранные эпитеты, обозначающие тех, кто почему-либо уклонялся от дарованного Конституцией 1936 г. «права на труд» (статья 118), отсылали к закону о борьбе с тунеядством, а точнее — к указу 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни» и к принятой на основании этого указа статье 209 УК РСФСР².

Татьяна Витальевна Ластовка
Университет Санкт-Галлен,
Швейцария
tatiana.lastovka@unisg.ch

¹ За помощь в работе над статьей выражаю свою благодарность Константину Богданову.

² В содержательном и формальном отношении этот указ воспроизводил и ужесточал правовые документы сталинского времени: Статью 12 Конституции СССР 1936 г.: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: кто не работает, тот не ест», а также Постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины» от 28 декабря 1938 г. По сути, характер массовой репрессивной

Принятие указа о борьбе с тунеядством нельзя не считать парадоксальным: время правления Н.С. Хрущева принято интерпретировать — и у нас есть для этого очевидные основания — как время относительной (по сравнению с предшествующей порой) либерализации советского общества, получившей впоследствии поэтически-прекраснодушное наименование «оттепели». На фоне событий, обнадеживавших современников мечтами о новом этапе советской истории («антисталинская» речь Хрущева на XX съезде КПСС, начало реабилитации и восстановления в правах освобожденных политических заключенных, принятие указа «О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни» и устава сельхозартели, изменившего принципы оплаты труда в колхозах и позволившего колхозникам самим определять размеры находящейся в их распоряжении личной собственности, отмена в том же 1956 г. закона 1940 г., прикреплявшего трудящихся к предприятиям, проведение в 1957 г. грандиозного VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве и т.д.), указ об усилении борьбы с тунеядством представлял собою меру, которая могла показаться противоречащей общему идеологическому настрою эпохи¹.

В объяснение парадоксальной репрессивности нового закона, объявлявшего *уголовными* преступниками лиц, попадавших под категорию «паразитов», историки советского общества и права оправданно указывали на ряд факторов, обуславливавших его актуальность в начале 1960-х гг. Главным из них, по видимому, следует считать необходимость противодействия обозначившейся по мере социальной либерализации тенденции к усилению частнопредпринимательской инициативы и социального индифферентизма, противоречащих самим основам советской идеологии. Шейла Фицпатрик в статье, посвященной истории принятия указа о борьбе с тунеядцами, фокусирует внимание именно на его экономической подоплеке [Фицпатрик 2008].

Предусудительные тенденции в еще большей мере усилились в 1970–1980-е гг. на фоне расширения трудовой и кооператив-

практики носило также применение указа от 26 июня 1940 г., вводившего уголовную ответственность за нарушение трудовой дисциплины. Даже при относительно заниженных темпах применения этого постановления в период 1943–1945 гг. ежегодно регистрировалось более миллиона осуждений по указу (главным образом, за прогулы). Даже в 1945 г. осуждения составляли 51,5 % всех уголовных приговоров по СССР в целом [Соломон 1998: 312].

¹ Характерно, что А.А. Аронов, определяя поздние 1950-е и ранние 1960-е гг. как исключительно позитивный этап в развитии советской культуры, совсем не упоминает о преследовании «уклонявшихся от работы» на общем фоне мер по десталинизации социальной и политической жизни [Аронов 2008].

ной деятельности, побуждая законовевов и политпропагандистов к уточнениям в различении трудовых и нетрудовых доходов, а также к рассуждениям о природе социальной справедливости при социализме / коммунизме. В определении последней тунеядцами считались все, кто мог быть отнесен к собирательному образу нарушителей социалистической законности. Юридическая специфика в этих случаях уступала место обществоведческим обобщениям в духе научного коммунизма, например, в рассуждениях Н.Н. Кондрашкова, одного из главных специалистов по проблемам тунеядства, автора многочисленных публикаций на эту тему и члена редакционного совета журнала «Социалистическая законность»:

Социальную справедливость нельзя понимать применительно только к интересам личности или интересам отдельных групп, слоев населения. Эта категория относится и к интересам всего общества в целом. Она непосредственно связана с экономической эффективностью. <...> Если столь широко понимать паразитизм и тунеядство как один из его видов и считать проживание на нетрудовые доходы основой этих понятий, то не значит ли это, что к тунеядцам можно относить не столько бродяг, попрошайек, лиц, ведущих иной паразитический образ жизни, но и расхитителей, воров, взяточников, спекулянтов, мошенников и вообще всех, кто совершает корыстные преступления? Да, если исходить из самого широкого социально-нравственного понимания тунеядства как вида социального паразитирования, из его социальной сути — проживания за чужой счет, обогащения за счет чужих средств, то любое извлечение нетрудовых доходов следует считать проявлением тунеядства, паразитизма [Кондрашков 1989: 5].

Важно подчеркнуть поэтому, что хотя декларативно закон и был направлен на пресечение самой возможности к получению «нетрудовых» доходов и превентивное ограничение складывавшегося рынка теневой («черной») экономики [Тимофеев 1999: 61–78; Клямкин, Тимофеев 2000], его характер и публицистически-пропагандистский пафос обнаруживает культурно-антропологическую составляющую, имеющую непосредственное отношение не только к «базисным» (т.е. экономическим), но и к «надстроечным» (социально-психологическим и внешне репрезентативным) элементам советской идеологии.

В данном случае нам хотелось бы подчеркнуть несколько обстоятельств, объясняющих принятие закона, применение которого даже по мнению советских юристов было затруднительным и непоследовательным. Указанная непоследова-

тельность выражалась прежде всего в юридической неопределенности состава и субъекта преступления¹. Содержательным прообразом закона 1961 г. стал указ Верховного совета от 5 октября 1956 г. «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством», приравнивавший кочевых цыган к тунеядцам. Реакция на этот указ, насколько нам сегодня известно, была двоякой как со стороны местных властей, так и со стороны цыган. Местные власти исполняли этот указ, либо выдавая цыганам жилье и побуждая или принуждая их вместо кустарного ремесла и гадания официально трудоустроиться, либо просто прогоняя цыган со стоянок и подвергая их дискриминации на бытовом уровне [Бессонов, Демер, Кутенко 2000].

В 1957 г. в советских газетах появился еще один значимый текст — проект закона «Об усилении борьбы с общественно вредными паразитическими элементами», предусматривавший разделение «паразитических элементов» на две группы: «совершеннолетних, работоспособных граждан, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни и злостно уклоняющихся от общественно полезного труда», и «граждан, живущих на нетрудовые доходы» [Bilinsky 1961: 111–146]. Впоследствии — уже после принятия общесоюзного закона о борьбе с тунеядством — его детализация и применение выразились в экстенсивном правовом творчестве советских юристов, призванном детализовать истолкование понятий «тунеядство» и «паразитический образ жизни» в контексте допустимости и оправданности принудительного труда в условиях социализ-

¹ Характерен и тот факт, что сама формулировка указанной статьи менялась четыре раза (в 1975, 1979, 1982, 1984 гг.): «Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за бродяжничество или попрошайничество, наказываются лишением свободы на срок до четырех лет» [Уголовный Кодекс РСФСР 1975]. «Злостное уклонение лица, ведущего антиобщественный образ жизни, от выполнения решения исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся о трудоустройстве и прекращении паразитического существования наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. То же деяние, совершенное лицом, ранее судимым по части первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок до двух лет» [Уголовный Кодекс РСФСР 1975]. Статья 209 введена указом Президиума Верховного совета РСФСР от 25 февраля 1970 г. [Ведомости Верховного совета РСФСР. 1970. № 14. Ст. 256]. В редакции 1975 г. эта статья была уже отменена, а «бродяжничество» и «ведение иного паразитического образа жизни» были совмещены в статье 209. «Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым по части первой настоящей статьи, наказываются лишением свободы на срок до двух лет» (в ред. указа Президиума Верховного совета РСФСР от 7 августа 1975 г.) [Уголовный Кодекс РСФСР 1979]. «Занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни наказываются лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым по части первой настоящей статьи, наказываются лишением свободы на срок от одного года до трех лет» (в ред. указа Президиума Верховного совета РСФСР от 11 октября 1982 г.).

ма [Лукуьянов 1962; Евдокимов 1963; Жвирбуль 1975; Ахвердян 1978; Слободкин 1980: 78–81; Ключниченко 1982; Шляпочников 1982; Комаха 1985: 82–84; Коржов 1985; Павлов 1985: 23–28; Боголюбова, Растегаев 1985; Готлиб, Яцков 1987; Григорьев 1987; Бабаев, Явчуновская 1987; Щедрина 1987; Чубарев, Женутый 1987].

Под действие закона попадают самые различные круги населения, а его неопределенно широкая формулировка, как подчеркивают юристы, объясняется «тем, что формы паразитизма настолько разнообразны, изменчивы, многолики, что включение их исчерпывающего перечня в закон означало бы сужение, ограничение действенности названной уголовно-правовой нормы» [Кондрашков 1989: 69].

В ретроспективе советской истории борьба с тунеядством стала инструментом для решения самых различных социальных, экономических и политических проблем, само обсуждение которых требовало специфических оговорок и эзопова языка. Симптоматично уже то, что в роли обвиняемых по статье 209 проходили лица, которым приписывались правонарушения, объединявшие алкоголизм, проституцию, нетрудовые доходы, скрытую безработицу, частное предпринимательство, политическое инакомыслие и т.д. В качестве типичных примеров осуждения по статье 209 приведем несколько имеющихся в нашем распоряжении приговоров Томского областного суда и Суда Кировского района Томска¹, где дополнительной мерой наказания за паразитический образ жизни служило принудительное лечение от алкоголизма (стоит заметить, это специфическая особенность именно советского судопроизводства)²:

Приговор № 106 от 10 мая 1972 г. по делу гражданина М.: «В ноябре 1968 г. М. устроился на работу на Томский завод режущих инструментов, начал пить и в августе 1969 г. был уволен с завода как самовольно оставивший производство. До 29-го октября 69 г. М. не работал, жил на иждивении бабушки, затем устроился на работу в Тимирязевский лесхоз, где проработал до 14-го января 70 г. и уволился. До мая 1971 г. М. не работал,

¹ Приговоры по статье 209 УК РСФСР Томского областного суда и Кировского суда Томска за период 1975–1980 гг.

² Наряду с основной мерой наказания в виде лишения свободы, принудительное лечение от алкоголизма назначалось в соответствии со статьями 101–102 УК РСФСР, статьями 368 и 369 УПК РСФСР и статьей 58 ИТК РСФСР, если во время следствия судмедэкспертиза устанавливала у подсудимого хронический алкоголизм. При этом если в период отсрочки исполнения приговора выявлялось, что осужденный являлся алкоголиком, то суд также был вправе назначить принудительное лечение от алкоголизма. В этом случае принудительное лечение становилось основной мерой наказания [Улицкий 1989: 65].

пьянствовал. 10-го мая временно устроился на работу в землеустроительную экспедицию, где проработал до 15-го июня и самовольно оставил работу. По день ареста М. не работал. С 1-го января 72 г. был зачислен в цех № 2 Томской карандашной фабрики, но к работе не приступил. <...> М. был подвергнут приводу в органы милиции, где ему было сделано официальное предостережение об устройстве на работу. <...> Решением исполкома Томского районного Совета депутатов трудящихся от 30 декабря 1971 г. М. был привлечен к общественно полезному труду и направлен на работу в Тимирязевский ЛПХ. М. от выполнения данного решения уклонился, на работу не устроился. Привлеченный и допрошенный в качестве подсудимого М. признал себя виновным полностью. 1971 г. и 1970 г. нигде не работал, пьянствовал. О немедленном трудоустройстве был предупрежден органами милиции, но не устроился на работу из-за пьянок. В декабре 1971 г. решением райисполкома был направлен на работу в Тимирязевский леспромхоз, но от выполнения решения уклонился. 17-го января устроился не работу на карандашную фабрику, но проработал два дня и работу бросил, так как снова запил. По день ареста не работал, жил и питался у бабушки в Курлеке, пил, когда его угощали друзья.

Согласно заключению наркологической экспертизы М. является хроническим алкоголиком, нуждающимся в принудительном лечении. Противопоказаний к этому не имеется, а поэтому суд считает необходимым направить его на принудительное лечение от алкоголизма в период отбывания им наказания в соответствие со ст. 62 УК РСФСР».

Приговор № 1-194/78 от 10 июля 1975 г. по делу А., «родившегося 12 июня 1950 г. в с. ХХХ, Томского района, русского, гражданина СССР, беспартийного, с образованием 6 классов, холостого, не работающего, проживающего в с. Александровское, Томского района, ранее судимого 23 ноября 1976 г. по ст. 209 ч. I УК РСФСР, приговоренного к 6 месяцам лишения свободы, освобожденного по истечению наказания, отрицательно характеризующегося, признанного наркологической экспертизой хроническим алкоголиком, преданного суду по ст. 209 ч. II УК РСФСР, под стражей с 6 сентября 1978 г. <...> Проживая в семье матери, А. систематически вел паразитический образ жизни, не работая в 1977 г. 8 месяцев, а в 1978 г. вообще не работал. В то же время вел разгульный образ жизни, пьянствовал, вымогая деньги у матери и бабушки. В этом же году он дважды — в 1978 г. 1 февраля и 24 июня 1978 г. — был предупрежден об уголовной ответственности по ст. 209 II УК РСФСР, но на работу не устроился и продолжал пьянствовать. Решая вопрос о вине и мере наказания, суд принимает во внимание степень общественной опасности совершенного преступления. Учитывает и личность

подсудимого, признанного хроническим алкоголиком, находившегося в принудительном лечении, учитывается признание вины. С учетом изложенного считает необходимым подвергнуть его наказанию в виде лишения свободы с применением лечения по поводу хронического алкоголизма в силу ст. 62 УК РСФСР. Руководствуясь ст. 301–303 УК РСФСР суд ПРИГОВОРИЛ: А.Н.В. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 209 II УК РСФСР и подвергнуть его лишению свободы по указанной статье на срок один год шесть месяцев с содержанием в ИТК строгого режима, исчисляя срок с 6 сентября 1978 г. Применить к А.Н.В. принудительное лечение по поводу хронического алкоголизма. Содержать под стражей в СИЗО № 1 г. Томска».

Приговор от 14 мая 1979 г. «И. в течение длительного времени ведет паразитический образ жизни: не работает с 13 марта 1978 г. Преступление совершено подсудимым при следующих обстоятельствах: И. 13 марта 1978 г. был уволен из объединения «Томкстройматериалы» по ст. 33–34 КЗОТ РСФСР за совершение прогулов на почве пьянства. С этого времени он не работает, живет на средства своих родственников, в течение длительного времени злоупотребляет спиртным. 3 ноября 1978 г. органом внутренних дел И. было сделано официальное предостережение о прекращении паразитического существования и необходимости трудоустроиться в месячный срок. С целью уклониться от уголовной ответственности И. 6 декабря 1978 г. трудоустроился на Томский завод режущих инструментов, где и проработал до 23 декабря 1978 г. С этого времени работу прекратил, трудоустраиваться на другое предприятие не стал, и 21 марта 1979 г. против И. было возбуждено настоящее уголовное дело.

Суд, исследовав материалы уголовного дела, считает вину И. в предъявленном ему обвинении доказанной. Подсудимый вину в ведении в течение длительного времени паразитического образа жизни признал. Показал, что действительно с 13 марта 1979 г. не работает. Причиной является злоупотребление спиртным. Пытался трудоустроиться в июне 1978 г., однако работать не смог. 3 ноября 1978 г. ему было сделано официальное предостережение о необходимости трудоустроиться в месячный срок, и 6 декабря он трудоустроился. Однако 23 декабря работу прекратил, так как она ему не нравилась. Жил на средства родственников, часто выпивал. Причиной совершения преступления является неустроенность в личной жизни и пьянство. Свидетели И. и Б. дали суду аналогичные показания. Вина И. подтверждается также официальным предостережением органа внутренних дел, сделанным И. 3 ноября 1978 г., а также с места работы И.

Действия И. по ст. 209 ч. 1 квалифицированы правильно, так как он в течение длительного времени ведет паразитический образ жизни. При определении вида и размера наказания подсудимому суд учитывает, что он впервые совершил нетяжкое преступление, в совершении которого раскаивается. Суд также учитывает длительность совершения И. преступления и его отрицательную производственную характеристику. При таких обстоятельствах И. необходимо лишить свободы, наказание он должен отбывать в колонии строгого режима. На основании имеющегося в деле медицинского заключения в местах лишения свободы И. необходимо подвергнуть принудительному лечению от хронического алкоголизма. Руководствуясь ст. 300–303 УПК РСФСР, суд ПРИГОВОРИЛ: И.А.Н. признать виновным по ст. 209 ч. 1 УК РСФСР и определить ему наказание в виде 9 месяцев лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Мэру пресечения И. изменить — взять под стражу из зала суда. Зачесть в срок наказания нахождение И. под стражей с 28 по 30 марта 1979 г. На основании ст. 62 УК РСФСР в колонии подвергнуть И. принудительному лечению от хронического алкоголизма.

Приговор выездного заседания ул. Усова 21/1. «Именем РСФСР 6 июня 1980 г. районный народный суд г. Томска, рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Томске дело по обвинению Д.С.П., родившегося 15 января 1948 г. в г. Томске, русского, беспартийного, военнообязанного, холостого, образование среднее, судимого в 1976 г. по ст. 144 ч. 2 УК РСФСР, [приговоренного] к двум годам лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду, возвращенного в места лишения свободы на 1 год 8 месяцев, не работающего, проживающего в г. Томске, преданного суду по ст. 209. ч. 1 УК РСФСР, УСТАНОВИЛ. Д. в течение длительного времени ведет паразитический образ жизни: не работает, злоупотребляет спиртными напитками. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. 6 июня 1979 г. подсудимый уволился с работы и более 4-х месяцев подряд не занимался общественно-полезным трудом, пьянствовал, жил на средства родственников. В связи с этим 25 января 1980 г. начальником Кировского РОВД г. Томска Д. было сделано официальное предостережение о необходимости прекращения паразитического существования и обязанности трудоустроиться в месячный срок. Д. трудоустроился лишь 4 марта 1980 г. с целью уклониться от уголовной ответственности и, проработав 8 дней, самовольно оставил работу. Поэтому 14 апреля 1980 г. в отношении него было возбуждено настоящее уголовное дело. Суд, исследовав материалы уголовного дела, считает вину подсудимого в предьявленном ему преступлении доказанной. Д. вину в совершении преступления признал. Показал, что действительно с 6 июля 1979 г.

по 4 марта 1980 г. не работал. 25 января ему делалось официальное предостережение о прекращении паразитического существования и необходимости трудоустроиться в месячный срок. Однако к работе приступил лишь 4 марта и проработал всего 8 дней. В силу стечения обстоятельств на работу выходить не стал. Каких-либо причин не работать у него нет. Выпивает не часто. Свидетели В. и М. дали суду аналогичные показания. Оба они утверждали, что в последнее время подсудимый стал чаще выпивать. Вина подсудимого подтверждается также официальным предостережением и другими доказательствами. Действия Д. по ст. 209 ч. 1 УК РСФСР квалифицированы правильно. При определении вида и размера наказания суд учитывает, чтоотячающим вину подсудимого обстоятельством является совершение им ранее преступления.

С учетом данных о личности Д. суд считает необходимым лишить его свободы в колонии строгого режима, где подвергнуть принудительному лечению от хронического алкоголизма. Руководствуясь ст. 301–303 УПК РСФСР, суд ПРИГОВОРИЛ Д.С.П. признать виновным по ст. 209 ч. 1 УК РСФСР и определить ему наказание в виде одного года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Срок наказания исчислять с 14 апреля 1980 г., меру пресечения Д. оставить (содержание под стражей). На основании ст. 62 УК РСФСР в колонии подвергнуть Д. принудительному лечению от хронического алкоголизма».

С учетом того, что понятие «тунеядство» в русском языке и традициях русской культуры подразумевало самый широкий спектр негативных морально-нравственных характеристик, юридическая терминологизация превращала его в термин, удачно обозначающий преступность как таковую. Упомянувшийся уже выше юрист Н.Н. Кондрашков специально подчеркивал взаимосвязь и взаимозависимость тунеядства и преступности вообще:

Тунеядство, паразитический образ жизни толкают к тому, чтобы добывать средства для такой жизни противоправным либо преступным способом. И наоборот, добытые преступным путем средства (и довольно часто немалые) позволяют паразитировать, проживать на нетрудовые доходы, нередко бездельничать длительное время, уклоняться от общественно полезного труда, вести разгульный образ жизни, распутствовать, «тратить деньги, не считая» [Кондрашков 1989: 93].

Многоликость «бездельников» и «паразитов», призванных нести ответственность перед законом, интересна здесь не только с юридической, но и с собственно антропологической точки зрения. Советские юристы в определении субъекта преступле-

ния статьи 209 в содержательном смысле следовали тезису, сформулированному Председателем КГБ при СМ СССР А.Н. Шелепиным в речи на XXII съезде КПСС.

Советские законы — самые гуманные в мире, но их человеколюбие должно распространяться лишь на честных тружеников, а в отношении паразитических элементов, всех тех, кто живет за счет народа, законы должны быть суровы, ибо указанная категория лиц — это наш внутренний враг [Шелепин 1961].

Но как выявить и определить этого врага? Что объединяет кочующих и попрошайничающих цыган, привокзальных проституток, запойных пьяниц, спекулянтов, фарцовщиков и стилияг? Если обратиться к тому, как изображались все эти лица на страницах сатирической периодики, то общим мерилом для их социального выделения служила их подразумеваемая инаковость, резко контрастирующая с рекомендуемым образом «настоящего советского человека». Определение последнего предстает при этом отчасти доказательством от противного: для того чтобы судить о том, каким должен быть советский человек, важно знать, как выглядит его антипод. В изображении последних советская сатира была исключительно щедрой. Чтобы в этом убедиться, достаточно пролистать подшивки журнала «Крокодил» (значение которого в этом отношении трудно преувеличить)¹. Даже в юридической литературе классификация тунеядцев не в последнюю очередь основывалась на внешнем облике потенциальных обвиняемых.

Бродяги, как правило, это неряшливо одетые люди, «обшарпанные», в старой затасканной, истрепанной одежде, такой же обуви; личного имущества обычно не имеют, а небольшой запас (кое-что из белья, полотенце или тряпка, бритвенный прибор и неременный атрибут — граненый стакан) носят обычно в вещмешке, сумке («сидоре») либо просто в авоське («все свое ношу с собой»). Характерные испитые, опухшие, сморщенные, рано состарившиеся, заросшие щетиной лица. Кстати, эти признаки используются органами внутренних дел в качестве ориентировки при проведении рейдов по выявлению и задержанию бродяг на вокзалах, пристанях, аэропортах и в иных общественных местах [Кондрашков 1989: 47–49].

Попрошайки тоже отличаются своеобразными внешними признаками: выглядят нарочито бедно одетыми, оборванными, «сирыми и убогими», чтобы вызвать жалость и сострадание у окружающих, нередко умело симулируют болезни, физические либо

¹ См. подробнее о роли журнала «Крокодил» как основного сатирического издания СССР: [Каспэ 2009].

психические недостатки. <...> Внешний вид лиц, ведущих иной паразитический образ жизни, более разнообразен, и выделить единые общие черты для этого вида тунеядцев трудно. Здесь есть даже своя «элита», отличающаяся модной и сверхмодной одеждой — импортными дубленками, джинсами, дорогой и редкой обувью и т.п. <...> Гадалки <...>, которые принимают у себя на дому обычно с какими-то внешними ритуалами, аксессуарами <...> [Кондрашков 1989: 47–49].

Многочисленные статьи в юридическом журнале «Социалистическая законность», затрагивавшие тему тунеядства, также носили преимущественно либо «художественно-повествовательный», либо манифестационный, декларативный характер. Здесь можно было прочесть об осужденной молодой женщине, имевшей малолетнюю дочь и «превратившей свою квартиру в место постоянных пьянок» [Московская правда. 1961. 11 июня], об осужденном по той же статье гражданине, жившем на средства от продажи овощей и ягод со своего садового участка [Ленинское знамя. 1961. 12 июля], о необходимости «покончить со стяжательством и сутяжничеством» как проявлением того же тунеядства [Холявченко, Яновский 1962: 14]¹, а также о тех, кто «открыто, на глазах у всех „шикует“, бравурует своим богатством, покупает дорогие вещи, гарнитуры, мебель, хрусталь, автомашины, дачи и т.п.» [Кондрашков 1989: 96].

Образ «тунеядца» — при всей своей многоликости — подразумевал при этом только то, что он внешне несхож с типичным советским человеком. Каким рисовался надлежащий «тип», оставалось по-прежнему не слишком ясно².

Но сам поиск такого типажа оставался идеологически востребованным на протяжении и 1960–1970-х гг. Общественная реакция на применение законов о борьбе с тунеядством была при этом весьма неоднозначной. С одной стороны, законы о тунеядстве соотносились с инструментами властного принуждения в сфере экономики, а с другой — воспринимались на фоне объективных трудностей социалистического хозяйствования, хронического дефицита товаров и услуг, роста экономических преступлений [Schapiro, Godson 1983; Favarel Garrigues 2005: 58–64]. Юридическая софистика коммента-

¹ Статьи на тему «Общественность на страже социалистического правопорядка» в журнале «Социалистическая законность»: [Бахаров 1962: 32–36; Данильчик 1962: 32–36; Рохленко 1962: 37–38; Миронова 1962: 47–49; Мурзин 1962: 61].

² Здесь уместен анекдот, приводившийся в том же «Крокодиле» о художнике, который должен нарисовать портрет стахановца, но не удовлетворен его нетипичностью: «Мне нужно написать портрет стахановца Петрова. Не согласишься ли позировать? — А сам Петров? — Что ты! Он ведь не типичен!» [Крокодил. 1953. № 3 <<http://www.laverock.ru/4mess/crocodile/1953/1953-03.html>>].

торов закона о борьбе с тунеядцами также сегодня может показаться курьезной, но это впечатление обманчиво, так как представление о «внутренних врагах» соотносилось в данном случае не с риторикой эпохи сталинизма, а с контекстом относительной «гуманизации» культурной и социальной жизни.

Вершиной общественных и научных дискуссий на эту тему стал принятый на XXII съезде КПСС «Моральный кодекс строителя коммунизма» (шесть из двенадцати пунктов которого касаются надлежащего отношения к труду и безделью), включенный в текст Третьей Программы КПСС, провозгласившей начало реализации двадцатилетней программы построения коммунизма. В том же 1961 г. выходят в свет первый университетский учебник и первая хрестоматия по марксистской этике [Шишкин 1961; Марксистская этика 1961]. На страницах журнала «Философские науки» начинается обсуждение этических категорий, природы и структуры моральных норм, соотношения счастья и смысла жизни, знания и нравственности, теории и практики социалистической нравственности периода развитого социализма [Назаров 2003]. Важно заметить, что сама ситуация по выявлению «внутренних врагов» значительно отличалась на этом фоне от прокламируемого сталинской идеологией представления о тех, кто скрывает свое истинное обличье под маской простого советского гражданина. Призывы сталинских пропагандистов к «срыванию масок» и разоблачению законспирированных врагов меняются в хрущевское время на поиски тех, кто вносит *внешний диссонанс* в идеальный облик советского общества.

Смена акцентов в идеологически рекомендуемой репрезентации советских людей представляется в этом пункте весьма важной: несмотря на то что вся советская идеология оставалась вполне последовательной в своей установке на создание и воспитание «нового человека», время правления Хрущева обозначило начало эпохи, когда внешний — пусть и вполне воображаемый — облик «строителя коммунизма» становится не менее (если не более) важным, чем его внутренние качества (пародийной иллюстрацией к этому вниманию позже станет цитата из фильма Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968 г.) «Руссо туристо — обличье морале!»).

Симптоматично и то, что «Моральный кодекс строителя коммунизма» помимо идеологических и нравственных черт, вменяемых идеальному советскому человеку, называет и такие его особенности, как «скромность» и «простота». Настоящий советский человек прост, скромен и, конечно, надлежащим образом трудолюбив (в формулировке того же

Кодекса: «непримирим к тунеядству»). С этой точки зрения, рассматриваемый нами закон был направлен прежде всего на поддержание такого представления о советском строе, которое по умолчанию подразумевало, что коммунистическая идеология привлекательна не только своими внутренними ценностями, но и внешними характеристиками. Репрессивная «хирургия» сталинской эпохи трансформируется при этом в своеобразную «косметику» хрущевской поры. Усилия Хрущева, весьма небезразличного, как известно, к вопросам литературной, изобразительной и музыкальной эстетики (начало очередному политическому санкционированию которой было положено речью генсека на встрече с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 г.), всецело выразились и в заботе о внешнем облике советского общества. Неслучайно и то, что основным наказанием обвиненных в тунеядстве предполагалась их высылка *за пределы городов*. Понятие «город», хотя и не акцентировавшееся в тексте самого указа о тунеядстве, этому указу сопутствовало не только семантически, но и на практике, предопределяя как понимание, так и судебное применение соответствующей ему статьи 209 УК.

Ознаменованная хрущевскими реформами сравнительная открытость советского общества для внешнего наблюдения превращала города в объект повышенного идеологического внимания. Именно по городу, а не по деревне (оставшейся, как и вся провинция, закрытой для подавляющего числа иностранцев, посещавших СССР в 1960-е гг.) надлежало судить о торжестве коммунистической идеологии. Фасадом идеологии 1960–1970-х гг. стали большие «столичные» города, а не деревни и поселки, в которых продолжало жить большинство советского населения. Такие помпезные мероприятия хрущевской поры, как VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, собравший в Москве 34 тысячи юношей и девушек из 131 страны мира, были призваны создавать пропагандистки рекомендуемую декорацию СССР. Характерно, что именно повышенное внимание власти к городу выразится в середине 1970-х гг. в протесте писателей-деревенщиков, не без основания сетовавших на то, что власть «забыла» о «непарадной» — деревенской — стороне советской страны.

Характерно, что хотя доля осужденных по статье 209 УК РСФСР в общем числе осужденных была сравнительно невеликой (составляя в целом по стране в начале и середине 1980-х гг. 6–7 %), этот показатель был значительно выше в крупных городах и курортных зонах (в Москве тех же лет он

составлял 14 %) [Кондрашков 1989: 51–52]. При этом сам характер применения указа подразумевал активную задействованность городской общественности в деле выявления и осуждения тунеядцев. Выявлением последних занимались и комитеты при жилищных конторах.

Судить о том, как происходила борьба с тунеядцами, можно, в частности, по материалам Ленинградского обкома и горкома партии, дающих, например, представление о том, что парторганизация жилконторы № 2 «в IV квартале 1961 г. <...> привлекла 80 человек общественного актива для массовой проверки взятых предсъездовских социалистических обязательств. Эти товарищи обошли и ознакомились с жизнью жителей 1100 квартир, где не только проверяли выполнение обязательств “За культурный быт”, но и выявили неблагополучные семьи, количество пенсионеров, а главное пьяниц, тунеядцев и других. Они провели большую индивидуальную воспитательную работу» [ЦГАИПД. Ф. 2. Выборгский райком (1917–1992). Оп. 1–69, указатель к описям, перечень вопросов. Л. 30–36]¹.

Не увеличивая числа соответствующих примеров, подчеркнем, что указ и статья 1961 г., ставшие одними из «прецедентных текстов» советской эпохи, могут быть названы городскими текстами, включенными в «каталог» не только законодательных, но и своего рода фольклорных нормативов по поддержанию рекомендуемого идеологического содержания в его *бытовых* формах. Характерно, что в области публицистики, литературы и кино 1960–1980-х гг. тема «тунеядства» нашла проблемное освещение, служа стимулом к рефлексии о пределах и допустимости социального контроля в сфере частного. Тематизация принудительности труда становится поводом к тематизации досуга и его роли в условиях официальной идеологии, противопоставлению идеологически рекомендованного и «произвольного» выбора в распределении рабочего и свободного времени².

Важным социально-психологическим обстоятельством, сопутствовавшим теме тунеядства, было, однако, и то, что основной целевой группой для применения законов по борьбе с тунеяд-

¹ Благодарю профессора Катриону Келли за любезно предоставленные мне архивные материалы.

² Тематика уклонения от работы непосредственно связана с соотношением работы и досуга в Советском Союзе. Проблематика досуга освещается в социологических и экономико-политических работах по советской культуре: [Durham 1966; Гордон, Клопов 1972; Teckenberg 1974: 400–438; Teckenberg 1977: 731–761; Zuzanek 1980; Moskoff 1984; Yanowitch 1985; Porket 1989]. Наряду с этими исследованиями упомянем книгу Н. Хренова [Хренов 1994]. Он подытожил свою работу, на наш взгляд, эвристически продуктивным (но требующим дополнительного обоснования) тезисом о том, что идеологический крах СССР вызван не в последнюю очередь ценностным подчинением сферы идеологически подконтрольного труда практикам неподконтрольного досуга.

ством было молодое и именно *городское* население страны. Непредусмотренным эффектом «законов о туеядстве» (их юридическая неэффективность была впоследствии признана властными и юридическими структурами)¹ стало то, что контроль над надлежащим обликом советской молодежи только усилил процессы социального и психологического отчуждения молодого поколения от идеологии. Это проявилось — вопреки идеям, имплицитно заложенным в статье 209 — в узнаваемых приметах городской жизни последних лет советской власти: многочисленности тех, кто явно не спешил на работу в течение рабочего дня.

Список сокращений

ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов, Санкт-Петербург

Библиография

- Аронов А.А.* «Оттепель» в истории отечественной культуры (50–60-е гг. XX века). М.: Экон-информ, 2008.
- Ахвердян Г.С.* Паразитизм и преступность. По материалам Армянской ССР: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 1978.
- Бабаев М.М., Явчуновская Т.М.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с проявлениями социального паразитизма. Иваново: Ивановский ун-т, 1987.
- Бахаров Г.* [Без названия] // Социалистическая законность. 1962. № 12. С. 32–36.
- Бессонов Н., Деметер Н., Кутенко В.* История цыган: новый взгляд. Воронеж: РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2000.
- Боголюбова Т.А., Растегаев А.А.* Исследование паразитического образа жизни как научно-криминологическая проблема. Организационно-правовые и управленческие проблемы борьбы с правонарушениями среди лиц, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. Хабаровск: Хабаровский ун-т, 1985.
- Гордон Л.А., Клопов Е.В.* Человек после работы. М.: АН СССР, 1972.
- Готлиб Р.А., Яцков Л.П.* Социально-правовые и медицинские аспекты борьбы с туеядством, пьянством и наркоманией. Владивосток: Юридическая литература, 1987.
- Григорьев В.Н.* Некоторые вопросы реализации неотвратности наказания за ведение паразитического образа жизни. Уголовно-пра-

¹ В 1985 г. после принятия постановления Президиума Верховного совета РСФСР от 13 декабря 1984 г. «О порядке применения статьи 209 УК РСФСР» понятие нетрудовых доходов (как полученных только противоправным путем) сразу во много раз сузило круг привлекаемых по статье 209 УК РСФСР. Число осужденных по ней сократилось при этом в пять раз [Кондрашков 1989: 51–52].

вовые и криминологические аспекты проявления социального паразитизма. Иваново: Юридическая литература, 1987.

Данильчик А. [Без названия] // Социалистическая законность. 1962. № 12. С. 32–36.

Евдокимов П.К. Ответственность лиц, ведущих паразитический образ жизни. Минск: изд-во Министерства высшего и среднего специального и профессионального образования БССР, 1963.

Каспэ И. Границы советской жизни: представления о «частном» в изоляционистском обществе. Ч. 1 // Новое литературное обозрение. № 100. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ka39.html>>.

Клюшниченко А. Административная борьба с тунеядством. М.: Юридическая литература, 1982.

Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия. Экономико-социальное исследование. М.: РГГУ, 2000.

Комаха В.А. О практике направления в воспитательно-трудовой профилакторий // Теоретические и практические проблемы нового уголовного законодательства. М.: Юридическая литература, 1985. С. 82–84.

Кондрашков Н.Н. Против закона и совести. М.: Юридическая литература, 1989.

Коржов А.Н. Семейно-бытовая детерминация бродяжничества, попрошайничества и иного паразитического образа жизни. Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. Л.: Юридическая литература, 1985.

Жвирбуль В.К. Вопросы криминологии, уголовного права, процесса и прокурорского надзора. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975.

Лукьянов Ю.А. Гримасы прошлого. Л.: Лениздат, 1962.

Марксистская этика. Хрестоматия / Сост. В.Т. Ефимов, А.Ф. Шишкин. М.: изд-во Института международных отношений, 1961.

Миронова Э. Общественность района борется за укрепление правопорядка // Социалистическая законность. 1962. № 10. С. 47–49.

Мурзин В. Общественность помогает // Социалистическая законность. 1962. № 8. С. 61.

Назаров В.Н. Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960–1990) // Этическая мысль. М.: Институт философии (РАН), 2003. Вып. 4.

Павлов Б.Г. Вопросы уголовной ответственности за ведение паразитического образа жизни // Правоведение. 1985. № 5. С. 23–28.

Рохленко. [Без названия] // Социалистическая законность. 1962. № 12. С. 37–38.

Слободкин Ю.М. Ответственность лиц, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни // Правоведение. 1980. № 3. С. 78–81.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 1998.

- Тимофеев Л.М.* Общественный договор «ноль прав собственности» и теневой порядок // Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 61–78.
- Уголовный Кодекс РСФСР. С изменениями и дополнениями на 1 января 1975 г. с приложением постатейно систематизированных материалов. М.: Юридическая литература, 1975.
- Уголовный Кодекс РСФСР. С изменениями и дополнениями на 1 января 1979 г. М.: Юридическая литература, 1979.
- Улицкий С.Я.* Принудительное лечение в стадии исполнения приговора // Правоведение. 1989. № 6. С. 65.
- Фаварель-Гарриг Ж.* Советская милиция и ее борьба с ростом экономической преступности в эпоху «застоя» // Неприкосновенный запас. 2005. № 4 (42). С. 58–64.
- Фицпатрик Ш.* Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2008. С. 219–254.
- Холявченко А., Яновский Я.* Покончить со стяжательством и сутяжничеством // Социалистическая законность. 1962. № 10. С. 14.
- Хренов Н.А.* Традиционные формы досуга: история и современность. М.: ГРЦ РФ, 1994.
- Чубарев В.Л., Желутий В.И.* Особенности личности туеядца. М., 1987.
- Шелепин А.И.* Речь на XXII съезде КПСС // Известия. 1961. 28 окт.
- Шишкин А.Ф.* Основы марксистской этики. М.: МГИМО, 1961.
- Шляпочников А.С.* Борьба с туеядцами — всенародное дело. М.: Госториздат, 1982.
- Щедрина А.К.* Борьба с туеядцами. М.: Юридическая литература, 1987.
- Bilinsky A.* Parasitengesetze in der Sowjetunion // Jahrbuch für Ostrecht. 1961. S. 111–146.
- Durham F.G.* The Use of Free Time by Young People in Soviet Society. Research Program on Problems of International Communication and Security. Centre for International Studies MIT. January 1966.
- Moskoff W.* Labour and Leisure in the Soviet Union. The Conflict between Public and Private Decision-Making in a Planned Economy. N.Y.: St.Martin's Press, 1984.
- Porket J.L.* Work, Employment and Unemployment in the Soviet Union. Oxford: Macmillan, 1989.
- Schapiro L., Godson J.* L'ouvrier soviétique. Paris: Presses Universitaires de France (PUF), 1983.
- Teckenberg W.* Beteiligung der Arbeiter am Entscheidungsprozess auf den unteren Verwaltungsebenen und Arbeitskonflikte in der UdSSR // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1974. No. 26. S. 400–438.
- Teckenberg W.* Prestigerangordnungen, berufliche Bewertungen und Präferenzen in der UDSSR im internationalen Vergleich // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1977. No. 29. S. 731–761.

Yanowitch M. Work in the Soviet Union. Attitudes and Issues. N.Y.; L.: Sharpe, 1985.

Zuzanek J. Work and Leisure in the Soviet Union. A Time-Budget Analysis. N.Y.: Praeger, 1980.